

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА*

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

В постсоветский период в Волго-Уральском регионе наиболее активно научно-организаторская работа по написанию коллективных региональных монографий велась в Башкортостане. В 1996 г. увидело свет фундаментальное исследование под редакцией Х.Ф.Усманова «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» (Уфа: Китап, 1996. – 520 с.), в 2004 г. – двухтомник «История Башкортостана с древнейших времен до наших дней» под редакцией И.Г.Акманова (Уфа: Китап, 2004). Эти два издания представляют коллективные издания научных центров Башкортостана: первое принадлежит коллективу ИИЯЛ УНЦ, второе – является трудом вузовской профессуры (Башкирский государственный университет). Несмотря на разный состав авторов этих коллективных монографий, их концепции и структуры во многом схожи, а именно – повествование исторических событий ведется в рамках выработанной в советскую эпоху модели освещения истории и культуры конкретно взятого региона. Другим общим моментом представляются их авторские коллективы, в подавляющем большинстве состоящие из исследователей, чьи научные взгляды сформировались в советский период.

Эти два коллективных труда, безусловно, стали своеобразным подготовительным этапом в написании

«Истории башкирского народа», их достоинства и недостатки были, безусловно, учтены разработчиками академической семитомной истории. При сравнении с ними рецензируемый IV том «Истории башкирского народа» выделяется большим объемом (46,5 п.л.), позволившим дать развернутую характеристику корпусу источников, вопросам историографии, разноплановым историческим явлениям конца XVIII – начала XX в., о которых ранее приходилось излагать сжато и тезисно.

Большой заслугой редакционной коллегии тома в составе А.З.Асфандиярова, Ю.М.Абсалямова, Р.Н.Рахимова и Ф.Г.Хисамитдиновой следует признать комплектование авторского коллектива из лучших специалистов, исходя из разрабатываемой ими научной проблематики. Импонирует также то, что наряду с маститыми исследователями авторами статей являются молодые ученые, участие которые привнесло новые темы. Преемственность разных поколений историков стала на мой взгляд, залогом успешности данного проекта. Важно также отметить, что авторский коллектив сумел во многом избежать в изложении материала очерковости.

Главным же достоинством коллективного IV тома академического издания является постановка во главе угла освещения социальной истории и культуры башкирского народа. Этой

* Отзыв на IV том коллективной семитомной монографии «История башкирского народа» / Редколлегия: А.З.Асфандияров, Ю.М.Абсалямов, Р.Н.Рахимов, Ф.Г.Хисамитдинова. – СПб.: Наука, 2011. – 399 с.

основополагающей идеи подчинено освещение практически всех исторических сюжетов общественно-политической, социально-экономической жизни региона.

Важным дополнением текстов тома выступают цветные и черно-белые иллюстрации и картографический материал, представляющие, по сути, самостоятельную научную ценность.

В отечественной историографии начала XXI в. в научный оборот был введен термин «внутренняя окраина», который в значительной степени позволяет локализовать конкретные территории, административно-территориальные единицы по ключевым параметрам протекавших в местности социально-экономических, общественно-политических процессов, определить общие и особенные моменты социокультурной жизни населения данной местности по сравнению с другими губерниями (областями). «Внутренняя окраина» олицетворяла собой некую «буферную зону», в которой интеграционные процессы постепенно усиливались, однако сохранялись многие черты архаичных общественных отношений. Другой особенностью была малочисленность в крае русского населения. Если рассматривать в более широких хронологических рамках, взяв точкой отсчета середину XVI в., время присоединения Приуралья к Российскому государству, то освещаемый в томе исторический отрезок времени является третьим и четвертым этапами интеграции региона и народов, здесь проживающих, к российскому «телу». Под первым этапом подразумевается в виду автономное существование башкир в составе Российского государства вплоть до второй трети XVIII в. Второй этап характеризовался массовыми и кровопролитными восстаниями местного населения и ускоренной русской военной колонизацией реги-

она, началом разрушения автономии башкир. На третьем этапе, учредив в 1798 г. кантонную административную систему управления, записав башкирские племена в привилегированное военно-служилое сословие, в рамках которого они получили широкую автономию в системе самоуправления, позволяющей сохранять самобытные традиции, самодержавие добилось их лояльности, тем самым сняв проблему конфронтационных отношений между населением и властью в регионе. Четвертый этап, начавшийся с приписки башкир, мещеряков и тептяр в «сельские обыватели» – крестьянское сословие, – стал серьезным испытанием для башкир, ознаменовался широкомасштабной русской хозяйственной колонизацией Приуралья.

Истории башкирского народа в рамках этих двух последних этапов «внутренней окраины» посвящен IV том «Истории башкирского народа». Нижняя хронологическая рамка редколлекгией правомерно определена введением в Оренбургской губернии кантонной системы, верхняя – началом русской-японской войны 1904–1905 гг.

Рецензируемое издание по целому ряду направлений носит прорывной характер благодаря «сложению воедино» целого ряда факторов. Прежде всего – коллективное издание представляет обобщение и осмысление научных изысканий нескольких поколений ученых, занимающихся башкирской проблематикой, в нем максимально учтены достижения историков и ученых смежных наук Башкортостана за последние два-три десятилетия. Именно данное обстоятельство обусловило, на наш взгляд, достоинства издания. Прежде всего необходимо отметить введение в постсоветский период в научный оборот огромного пласта источников XIX – начала XX вв., что, безусловно, позволи-

ло скорректировать и порой по-новому оценить многие, казалось бы, уже решенные проблемы. В томе представлены темы, которые ранее игнорировались или искусственно умалчивались под идеологическим прессом советской тоталитарной системы (специально следует выделить добротные изложенные тексты, посвященные исламскому фактору в жизни башкир и исламским религиозным институтам). Отказ от классового подхода при оценке исторических явлений и событий, комплексный подход к освещению духовного развития народа, критический анализ источников и, конечно же, комплексное рассмотрение проблем развития башкирского общества этого периода в отдельном томе способствовали появлению качественно новых суждений о социальной истории башкир.

Новым словом следует признать раскрытие прогрессивных аспектов существования для башкир кантонной системы, которая предоставила им широкие права национального самоуправления, способствовала, как совершенно точно отмечается в «Предисловии» тома, формированию национального самосознания в рамках сословных отношений. Благодаря сложившейся на рубеже XVIII–XIX вв. геополитической ситуации и политической воле российских государей «народ-иррегулярное войско» получил возможность для создания своей новой военной этноконфессиональной элиты в лице кантонных начальников и чиновников кантонной канцелярии идентифицировать себя на основе сословного статуса, который действительно определял его самобытные черты в экономическом, социальном и культурном отношениях. Это означает, с одной стороны, регламентацию многих аспектов жизнедеятельности военнообязанного населения ведомственными традици-

ями военного управления, с другой – развитие социальной и культурной жизни в рамках предоставленных правительством автономий, ключевыми из которых являлись вотчинное право башкирского сословия, автономия в рамках ведомства, в значительной степени изолировавшая башкир от внешнего мира, а также существование религиозно-культурной автономии, которая обеспечивалась языковой и письменной изолированностью от русской культуры и системой исламских религиозных институтов под ведомством Оренбургского магометанского духовного собрания.

С упоением читаются главы «Кантонная система управления», «Военная служба башкир в первой половине XIX века». Обстоятельно изложены разделы, посвященные хозяйству башкир, формированию группы потомственных и личных дворян, удельному весу неразделенной и малой семьи в башкирском дворе, в которых убедительно раскрыты такие явления, как двукратное преобладание полигамных семей у башкир-полукочевников, численность детей в моногамных и полигамных семьях, половозрастной состав населения и др.

Основательно разработан раздел, посвященный тептярам первой половины XIX в., где рассмотрены: историография происхождения термина «тепляр», основные этапы эволюции статуса тепляр от социальной группы к сословию, социальный лифт этнических башкир, которые из башкир-вотчинников, в случае бедственного положения, переходили (точнее будет: переводились) в тепляри и могли обратно возвращаться в первобытное состояние после улучшения своего материального положения.

В полной мере раскрыто влияние военно-административной системы на формирование новой башкирской элиты в лице башкирских чиновни-

ков и менталитета военно-служилого населения, которое достижение благополучия видело не в развитии производства, а в занятии чиновничьей должности. Это важный момент в понимании трансформации традиционного уклада башкир во второй половине XIX в.

Первая часть книги под названием «Процесс интеграции башкир в административно-правовую структуру Российского государства. Кантонная система» (с.29–238) получилась по объему в 2 раза больше, чем вторая часть «Башкирский народ в модернизирующейся России» (с.241–350). Первая часть оставляет впечатление от более основательной проработанности. Во второй части в главах «Башкиры в имперском пространстве России второй половины XIX – начала XX века», «Хозяйство башкир», «Башкирское общество», «На путях к культурно-социальной интеграции», «Культура башкирского народа» на основании привлечения широкого круга источников и исторической литературы освещаются демографические, социальные, экономические, общественные, культурологические аспекты истории башкир, которые воссоздают сложный путь адаптации и развития башкир-вотчинников в статусе крестьян.

В «Заключении» тома сделан важнейший методологический вывод о том, что «появившись в период глубоких перемен в социально-экономической, политической и культурной сферах пореформенного Башкортостана, он (джадидизм. – *И.З.*) стал для башкирского общества одновременно преддверием Нового и Новейшего времени» (с.356). Иначе говоря, рассматриваемый в IV томе период оценивается для башкир поздним средневековьем. Следовательно, среди башкир доминировали ценности традиционного общества. В этой связи выделение в структуре тома двух са-

мостоятельных разделов, посвященных культуре башкир на наш взгляд, представляется искусственным. Это, скорее, дань традиции советской исторической школы, копирование периодизации истории русской культуры.

Во второй части тома в текстах имеются противоречия. В главе «Башкирское общество» утверждается, что согласно сведениям переписи 1897 г. в Уфимской губернии среди башкир имелись 5 представителей купеческого сословия, в Оренбургской – 16, в Пермской – 1, в то же время занятыми торговлей (торговля продуктами сельского хозяйства, строительными материалами, одеждой и т.д.) заявили только в Оренбургской губернии 1886 башкир (с.287); отмечается, что в башкирском обществе появляются новые социальные слои, такие как сельские предприниматели (кулаки), фабрично-заводской пролетариат и т.д. (с.288); делается вывод о том, что «вовлечение башкирского населения в сферу торгово-промышленной деятельности и предпринимательства было незначительным» (с.294). А в главе «На путях к культурно-социальной интеграции» вдруг появляется тезис о башкирской буржуазии – социальном заказчике джадидизма: «Его (движение за европеизацию) поддерживала башкирская буржуазия, также нуждавшаяся в передовых учебных заведениях для оттеснения феодально-клерикальных сил и подготовки нужных ей в конкурентной борьбе национальных кадров (учителей, бухгалтеров, приказчиков и т.д.)» (с.309). В данной цитате наглядно проявилась традиция механического перевода причин формирования джадидизма как социального явления в татарском сообществе на башкирское общество. Тем не менее остается вопрос: если не было башкирской буржуазии, то кто выступал социальным

заказчиком и основным финансистом движения обновления среди башкир?

Голословным представляется утверждение о наблюдавшейся в Урало-Поволжье после Первой русской революции 1905–1907 гг. «своеобразной и весьма краткосрочной мусульманской контрреформации» (с.309).

Обозначенная в томе периодизация истории башкир ставит также закономерный вопрос о становлении башкирского этноса, в частности, о том, какое значение имели у полукочевых и оседло-земледельческих башкир такие важные компоненты самоидентификации, как племенное самосознание, сословное самосознание и конфессиональное самосознание.

Как наглядно показано в книге, в условиях массовой распродажи и откровенного расхищения вотчинных земель – «палочки вырубалочки» при уплате казенных налогов и исполнения повинностей – в их хозяйстве обозначились кризисные явления, особенно в аулах полукочевого населения происходила болезненная во всех отношениях трансформация хозяйственного уклада. В работе выделяются четыре района многоукладного хозяйства башкир в конце XIX в.: оседло-земледельческое хозяйство – север и северо-запад Башкортостана; район нового оседлого земледельческого хозяйства – северо-восток и юго-запад Башкортостана; район смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства – восток и юг Башкортостана; район смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства – горно-лесные районы Южного Урала (с.273).

Вотчинное право действительно определяло специфику башкирского землевладения и землепользования (с.171). Новые аспекты социально-экономической истории и подлинные процессы расслоения башкирского аула, особенности башкирского крес-

тьянского хозяйства можно было бы выявить путем комплексного исследования башкирской общины, в руках которой сосредоточилось главное материальное богатство башкирского общества – вотчинная земля. Приводимые в издании цифры о незначительности пашенных наделов (двукратное отставание от крестьян других этнических групп), несмотря на значительные земельные угодья, свидетельствуют о существовании кризисных явлений и в хозяйствах оседлой части башкир-вотчинников. В этой связи представляется некорректным характеристика происходивших в обедневших башкирских крестьянских хозяйствах социально-экономических процессов «модернизационными». Удачнее было использование термина «трансформация», которая более точно отражает наблюдавшиеся кризисные явления в крестьянских хозяйствах. Видимо, во второй половине столетия в процессе смены нескольких поколений «свободных сельских обывателей» – вотчинников потребительский менталитет постепенно трансформировался в предпринимательский, и сформировалась прослойка мелких торговцев, сельских предпринимателей, которая в начале XX в. стала использовать свои преимущества в земельном обеспечении.

Слабым местом работы представляется освещение социально-экономического положения мещеряков (в тексте – мишари). Более точным представляется именование их по названию военного-служилого сословия – мещеряками. Дело в том, что потомки бывших служилых татар в губерниях Волго-Камского края были приписаны правительством к государственным крестьянам, а в Симбирской губернии – к удельному ведомству. Из их числа сформировалась небольшая группа гильдейских купцов. Если военно-служилое сословие мещеряков

в Оренбургской и Уфимской губерниях именовать «мишарами», то как называть их соплеменников в других губерниях Поволжья, которые в рассматриваемый период себя идентифицировали как мусульмане? Поэтому необходимо четко различать этническое, сословное и этносословное наименования, вопросы этно-конфессионального самосознания, которые носят исторический характер («Мишари как самостоятельный народ окончательно исчезли уже в советское время, когда в ходе переписи 1939 г. они были записаны как башкиры или татары»? (с.254).

Тезис о башкиризации мещеряков лишь на основании суждений русских современников (с.255), которые выражают «взгляд со стороны» на военнослужащих Башкирского войска, и материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г., представляется неуместным. Как известно, накануне статистического мероприятия в Уфимской губернии волнение среди мусульман вызвала графа о сословной принадлежности. Дело в том, что мусульмане отождествляли слово «крестьянин» с термином «христианин». К этому времени по своему статусу башкиры, мещеряки, тептяри являлись крестьянами. Поэтому «для успокоения умов местного населения» циркулярным предписанием от 28 декабря 1896 г. уфимский губернатор Н.Богданович разрешил записывать в 4-й графе переписного листа мусульман «башкирами» вместо «крестьян» (РГИА, ф.1290, оп.10, д.244, л.20–20 об.). Показания респондентов властями не проверялись и неизвестно, сколько крестьян, мещеряков, тептяр, воспользовавшись данной возможностью, записалось в 1897 г. «башкиром». Иначе говоря, каждый случай учета статистикой пестрого в сословном и этническом отношениях населения Приуралья требует предва-

рительного изучения проведения переписного мероприятия и мотиваций населения.

Для раскрытия интеграции небашкирских этнических групп в башкирское сословие до середины XIX в. авторы используют термин «инфильтрация» (с.156–157). Однако эта тема не имеет продолжения во второй части тома, посвященной событиям второй половины XIX – начала XX вв. Между тем переименование Башкиро-Мещеряцкого войска в Башкирское, приписка в это войско тептяр открыли возможность различным группам населения позиционировать себя перед властями, надеясь на определенные бонусы, башкирским сословием, «башкирами». Выяснение нюансов требует внимательного изучения истории каждой деревни. В качестве примера обратимся к истории рода известного татарского просветителя и религиозного деятеля Ризаэтдина Фахретдинова, который в томе назван сыном «башкирского муллы Фахретдина (с.323). Для примера приведем историю рода известного татарского просветителя и религиозного деятеля Ризаэтдина Фахретдинова, который в томе назван сыном «башкирского муллы Фахретдина» (с.323). Согласно материалам ревизии 1762 г., проживавший в д.Кичучат его предок, 72-летний Юлдаш Ишкаев, происходивший из служилых татар, был уроженцем д.Ширдан Нагорной стороны (Казанской губерния), но из-за боязни насильственного крещения переехал сначала в д.Керкелы, затем в д.Кичучат, где зарегистрирован как «тептяр». В сведениях переписи 1795 г. его внук Рахмангол значится старшиной 4-й тептярской команды (*Кәримов Т. Фәхретдинов шәжәрәсе // Казан утлары. – 1994. – № 4. – 144–145 б.; Әхмәтҗанов М. Ризаэддин бине Фәхрәддиннең нәсел шәжәрәсе һәм нәселе хакында // Ризаэддин*

Фәхреддин: мирасы һәм хәзерге заман: Мәкаләләр жьентыгы. Казан, 16 ноябрь 1999 ел. – Казан: Тарих институты нәшр., 2003. – 94–105 б.). После приписки тептяр в 1855 г. в Башкирское войско и до перевода их совместно с башкирами и мещеряками в 1860-е гг. в сословие «свободных сельских обывателей» жители данного населенного пункта находились в «башкирском сословии». В результате, сын Рахмонгола Фахретдин (отец Ризаэтдина) сделался «башкирским муллой». В книге практически не отражены взаимоотношения башкир и мещеряков в дореформенный период, башкир и тептяр и мещеряков в пореформенный период. Между тем башкиры и припущенники-мусульмане очень часто проживали в одном селении, значит, весьма тесное этнокультурное взаимодействие происходило в ограниченном культурном пространстве. Особенно по порефор-

менному периоду востребованным представляется освещение основных «контактных зон» этноконфессионального и хозяйственного взаимодействия башкир с русским, финскими народами края.

В заключение следует отметить, что IV том «Истории башкирского народа» следует признать большим успехом историков Башкортостана, существенным вкладом в изучение башкирского этноса конца XVIII – начала XX вв. и Приуралья как юго-восточной «внутренней окраины» Российской империи. Издание подводит своеобразный итог научным достижениям за последние четверть века и одновременно ставит новые задачи перед научным сообществом республики по продолжению комплексных научных изысканий в этой области гуманитарных знаний. Искренне желаю коллегам новых успехов!